

**Эльзас-Лотарингия в 1880-ые гг.
глазами французских офицеров
(по материалам архива Исторической службы
Министерства обороны Франции) (*)**

Проблема Эльзас-Лотарингии, отторгнутой Германией у Франции в 1871 г., на десятилетия встала непреодолимым барьером в отношениях двух соседних стран и быстро превратилась в один из базовых элементов франко-германского антагонизма. Судьба провинций привлекала неизменно большое внимание политиков, дипломатов, писателей и журналистов французской Третьей республики, и в свидетельствах этого нет недостатка. Гораздо меньше известно о том, как к проблеме Эльзас-Лотарингии подходило французское военное ведомство, насколько полным в условиях подготовки к войне-реваншу там было, в частности, представление о происходящем в «имперской провинции» Германии. Оставив в стороне чисто военный аспект поставленного вопроса, остановимся в рамках небольшой статьи на самых типичных общих суждениях и оценках очевидцев - французских военных, побывавших в 1880-ых гг. в Германской империи по поручению министерства.

Практика отправки французских офицеров в Германию на одну-двух месячную стажировку была введена главой французского Генштаба генералом О. Бло в июне 1880 г. Для направляемых в Германию младших лейтенантов (их доля была весьма велика) такая стажировка рассматривалась в качестве важного дополнения к завершённому во Франции военному обучению, для старших офицеров поездки носили, безусловно, прежде всего разведывательный характер. К сожалению, в архиве Исторической службы министерства обороны Франции сохранились рапорты командированных только за 1880-1887 гг., но их число - около 120 - позволяет получить достаточно полное

представление обо всем спектре вопросов, интересовавших французское военное руководство /1/.

Пик интенсивности поездок в рамках вышеупомянутой программы пришелся на 1881 - 1884 гг. - период ощутимой разрядки франко-германских отношений. С появлением на посту французского военного министра генерала Буланже напряженность вновь усилилась, что, как известно, вновь привело в 1887 г. обе страны на грань разрыва. Еще в январе 1887 г. комендант германской крепости Кобленц прямо заявлял своему французскому собеседнику, капитану Лоренци: «с прошлого года времена сильно изменились», «мы удвоили бдительность (на границе с Францией. - А. Б.) и знаем абсолютно все о том, кто и что на ней делает». По словам другого высокопоставленного немецкого генерала, все публичные выступления Буланже «не имеют в виду ничего другого, кроме войны-реванша», «все воспитание французской молодежи посвящено этим идеям», а ненависть к немцам во всех классах французского общества такова, что германским офицерам формальным образом запрещено посещать Францию /2/.

Разгоревшееся затем в апреле 1887 г. «дело Шнебеле», связанное с захватом на германской территории французского комиссара полиции из Пани-сюр-Мозеля, обвиненного немцами в разведывательной деятельности, как представляется, было весьма недвусмысленным сигналом Берлина о нежелательности присутствия французских военных. Возможно, именно этим можно объяснить то, что установленная генералом Бло практика своеобразных стажировок в Германии в том же 1887 г., если судить по документам, прекратилась. Не подлежит сомнению, однако, что и после 1887 г. немало французских офицеров совершало поездки по территории наиболее вероятного противника по заданию военного министерства - уже с чисто разведывательными целями.

В соответствии с программой министерства отчеты уделяли преимущественное внимание военным деталям. Далеко не

каждый отчет, однако, отличался должной добросовестностью. Пометки «ошибочно», «не имеет никакого значения» встречаются на полях и титульных листах отчетов довольно часто. Младшие офицеры, отправлявшиеся в Германию прежде всего ради лучшего освоения немецкого языка, естественным образом мало что могли добавить о жизни и умонастроениях в стране. Их отчеты нередко насчитывали лишь несколько листов, наполненных перечислением одних только посещенных железнодорожных станций и городов. К тому же, упражнения в жанре записок путешественника встречали мало понимания на улице Сен-Доминик. Рапорт капитана Дюпона о поездке в Германию в сентябре-октябре 1880 г., в частности, получил следующую показательную резолюцию министерства: «Рапорт содержит слишком много деталей по сюжетам самого разного свойства; это скорее путешествие туриста, нежели военного, своего рода отрывок из туристических гидов Жоанна, Бедекера и пр. Нет никаких оснований поощрять автора в этом смысле» /3/.

Прежде всего, как явствует из программной записки руководителя IV бюро французского Генштаба, военное ведомство интересовало сведения относительно стратегически важных линий немецких железных дорог и новых германских укреплений /4/. Однако проникновение в тайны действия механизма германской мобилизации на местности сплошь и рядом вызывало трудности - недостаточно свободное владение немецким быстро обнаруживало в путешественниках иностранцев. Поэтому командированные офицеры зачастую сосредотачивались на доступных простому визуальному наблюдению внешних проявлениях жизни германской армии: выправке и дисциплине немецких солдат, профессиональной подготовке и положению в обществе офицерского корпуса и т. п.

Однако и по мере накопления в Париже все большего количества данных о военной системе Германии приграничные Эльзас и германская часть Лотарингии продолжали оставаться в центре внимания. Каждый въезжающий в эту часть Германской

империи в обязательном порядке должен был зарегистрироваться у местных властей и фактически добровольно обречь себя на полицейский надзор. Во избежание этого французские визитеры предпочитали осуществлять короткие (в среднем 5 - 6 дней) «шпионские рейды» по территории присоединенных Германией провинций. Только за 1884 - 1886 гг. немецкая полиция выявила 59 таких случаев, и число арестованных на территории Эльзас-Лотарингии и высланных без лишних объяснений причин на родину французских офицеров было весьма значительным /5/. Ожидать поэтому развернутой картины впечатлений, детального и глубокого проникновения в жизнь даже франкоязычной части местного населения, памятуя о мимолетности большинства поездок, едва ли уместно.

Поездки осложнялись еще и тем, что германские власти смотрели на само появление в «имперской провинции» французских военных с большой тревогой - еще в 1878 г. этой проблеме посвятил одну из своих нот лично германский канцлер О. фон Бисмарк /6/. Причем значимость ей придавали не только из соображений сокрытия военных тайн, но и из-за развития сопутствующего визитам французских офицеров представления у местного населения о том, что положение вещей не окончательно, и Франция не оставила надежд на реванш.

Действительно, сомневаться в цели этих поездок, равно как и в настроениях самих французских офицеров не приходится. «Война между Францией и Германией - рано или поздно - кажется неизбежной», - выражал, кажется, общее настроение капитан де Лалесс /7/. Французы рассчитывали встретить - и в действительности находили - схожую уверенность в грядущем и у своих соседей по ту сторону Вогезов. Так, полное одобрение министерства (отчеркнуто и помечено напротив: «точно» («ехаст»)) получило наблюдение лейтенанта Шерэ: «немец охотно дает понять путешественнику по Германии французу, что не питает ненависти к Франции, но [при этом] тотчас заметит различия в расе, вкусах, нравах, память о войнах минувшего - все

это заставляет его смотреть на француза как на наследного врага Германии» /8/.

Там, где заходила о судьбе утраченных провинций, патриотические струны французских офицеров звучали особенно высоко. В пространных сухих отчетах, переполненных мельчайшими военными деталями, находилось место и неожиданным эмоциональным всплескам, в духе тогдашнего немного напыщенного стиля парламентских речей и редакторских колонок толстых журналов. Вот как, в частности, резюмировал свой отчет летом 1881 г. капитан Лефорт: «Германская армия прекрасна, сильна и превосходно обучена. Вероятно, это единственная армия в Европе, достойная помериться силами с французской армией. ... Мощно вооруженная под стать своей надменной соседке, уверенная в патриотическом самопожертвовании своих детей, Франция сможет тогда терпеливо дожидаться рокового часа, который должен принести освобождение бедным изгнанникам - Эльзасу и Лотарингии» /9/.

Особую ценность в связи со всем вышесказанным приобретают отзывы французских офицеров эльзасского происхождения, сохранившие семейные связи с утраченной малой родиной. Они не только выходили за рамки сугубо военного взгляда на вещи, но и демонстрировали куда большую осведомленность о происходящем в этой части Германии. Примером такого ценного для историка обзора положения дел в Эльзасе может служить обстоятельный и исключительно взвешенный в своих оценках отчет лейтенанта Марийера. Он, в частности, признавал, что за последние пять-десять лет Эльзас был «сильно германизирован», но и живущие во Франции люди, «далекие от германского ига» быстро забывают, «как трудно в Эльзасе держаться линии открытой борьбы с правительством» /10/.

Марийер со всем основанием рассматривал население Эльзаса не как абстрактное единое целое. Это было особенно уместно при обращении к такой теме недавнего прошлого, как эмиграция из провинции ради сохранения французского граж-

данства. Марийер отмечал, что из Эльзаса после войны с Германией эмигрировал «весь высший класс»: весьма немногочисленная аристократия и крупная буржуазия, которые вполне могли рассчитывать относительно безболезненно обустроиться во Франции на новом месте. Экономические интересы мелких буржуа, чье дело было тесно связано с конкретной местностью и весьма ограниченной клиентурой, равно как и интересы промышленников, чье производство не могло быть перенесено иначе как с большими потерями, побуждали обе категории принять участие германских подданных. То же самое касалось и значительной части массы крестьян. В их среде, свидетельствовал лейтенант, «любовь к Франции» жива, но дети, обучающиеся в немецких школах, окружены поневоле «проявлениями германского патриотизма, который в стенах образовательных учреждений принимает вид подлинного культа» и становятся немцами вопреки влиянию семьи /11/.

Что касалось собственно немецких переселенцев в провинции, то за пределами Страсбурга все они, по утверждению Марийера, были либо мелкими коммерсантами, либо чиновниками. Последние, как явствует из приведенных им сведений, находились материально на особо привилегированном положении. Приведенные им данные о размере вознаграждений отдельных категорий местных бюрократов в сравнении с их французскими предшественниками убедительно доказывали, что германское правительство не жалело средств ради повышения престижа государственной службы в имперских провинциях. Автор отчета не скрывал, что экономическое процветание Германской империи не может не ощущаться и в Эльзасе; германский рынок куда охотнее поглощает местную продукцию, нежели когда-то французский, и эти выгоды не могут не оказывать своего влияния на умонастроения.

Еще один эльзасец по рождению, капитан Лей, после двухмесячного проживания в окрестностях Кольмара, с удовлетворением констатировал, что «симпатии к Франции здесь неиз-

менно сильны и стойки» /12/. Симпатии эти подкреплялись неприятием все новых и все более высоких налогов, введившихся имперским правительством, а более всего - «систематическим отстранением» местных уроженцев от занятия сколь-нибудь видных постов. «Неприязнь эльзасцев к немцам такова, что те редкие (эльзасские. - *А. Б.*) юноши, которые производятся в германской армии в чин офицера, вызывают неприязнь у местного населения; ...я отметил для себя: в тех случаях, когда немцы и эльзасцы оказываются вместе в кафе, гостиницах или пивных, они всегда образуют два четко различимых лагеря» /13/. Он же оставил еще одно ценное замечание: всех молодых призывников из Эльзаса, «большое число которых от призыва ежегодно уклоняется», направляют в полки, расквартированные в других землях Империи, и только вольноопределяющимся со сроком службы на один год позволяют остаться в Эльзасе для завершения своей службы. Все призывники жалуются на недостаточность питания, так что родителям приходится отправлять сыновьям из дома корзины с едой, бесплатно доставляемые по железной дороге /14/. Этому последнему наблюдению вторил и Марийер: «служба в прусской армии если и не особенно сурова, то, во всяком случае, очень тяжела, и это отвращает (от службы. - *А. Б.*) солдат-эльзасцев, привыкших к жизни в изобилии» /15/.

Для большинства французских военных наблюдателей, не имевших, вероятно, возможности глубоко проникнуть в умонастроения своих бывших соотечественников, наиболее верным барометром патриотических чувств и лояльности либо Германии, либо Франции населения Эльзас-Лотарингии был «языковой вопрос». Отсюда такое обилие суждений о проблеме сосуществования в провинциях двух языков. Неприкрытую тревогу вызывало стремительное распространение немецкой речи. Лейтенант Кноль, проживший осенью 1883 г. некоторое время в эльзасском городке Сульц у подножия Вогезов, свидетельствовал: «в сельской местности Верхнего и Нижнего Рейна французский язык предан забвению, дети нашего языка больше не

понимают; это объяснимо, поскольку вот уже десять лет как преподавание французского в начальной школе запрещено, изучать его можно только в старших классах, и то лишь четыре часа в неделю» /16/. Оценка того же явления младшим лейтенантом Андрэ была немногим радужней: «Там, где до аннексии немецкий был совершенно не известен, [ныне] дети 8-15 лет умеют читать и писать и уже даже начинают на нем разговаривать». Едва ли это было удивительным с учетом того, что по всей Эльзас-Лотарингии обучение проходило исключительно на немецком. Повод для оптимизма давало лишь то, что «если усилия по германизации принесли определенные плоды в том, что касается детей, они по-прежнему не имеют существенного воздействия на тех, кто жил под французским правлением», «между эльзаслотарингцами и немцами продолжает царить большая антипатия» /17/.

Были, однако, и более оптимистичные оценки ситуации. Капитан Леконт осенью 1886 г., наоборот, даже был немного поражен жизнестойкости «французских чувств» «наших аннексированных братьев» в той части Лотарингии, что отошла Германии. Тионвиль и по прошествии пятнадцати лет после войны оставался французским городом, в котором даже дети за пределами школ говорили на языке утраченной родины: «можно утверждать без всяких опасений ошибиться, что Лотарингия по-прежнему французская, я чувствовал себя здесь как во Франции» /18/. Французскую речь слышал Леконт и на улицах соседнего Меца, но здесь ощущалось присутствие многочисленного немецкого гарнизона. Из-за близости новой границы немало франкоязычных жителей столицы германской Лотарингии в свое время перебрались во Францию, и более трети жителей Меца уже тогда составляли немецкие переселенцы. Отчет Леконта вообще интересен тем, что сравнивал французский патриотизм лотарингцев и эльзасцев - и не в пользу последних: «если эльзасцы, как кажется, все больше смиряются с новым положением вещей, то лотарингцы все так же энергично отвер-

гают ... немецкие порядки» /19/.

В числе вопросов, которыми военное министерство предлагало озаботиться командированным, был и ключевой вопрос реакции местного населения отторгнутых провинций на возможный новый вооруженный конфликт Франции и Германии. Примечательно, что многие из побывавших в германской части Лотарингии и Эльзасе решали предложенную задачу аксиоматически. Не тратя времени на пространные аргументы, офицеры выражали уверенность в исключительной лояльности чувств жителей Эльзаса-Лотарингии к своей бывшей французской родине и в том случае, если лояльность эту придется подтверждать на практике. Так, в частности, скупой - всего в три листа - отчет лейтенанта Делю категорично, тем не менее, утверждал: «После 1870 года дух населения Лотарингии не изменился. Единственное желание всех ее жителей - вновь стать французами» /20/. Лейтенант Кноль не менее лаконично рапортовал в Париж в 1883 г. после своего возвращения из Эльзаса: «Распространились слухи о войне. Трудовой люд желает войны и рассчитывает принять в ней участие», имея в виду, конечно, участие на стороне Франции /21/.

Лейтенант Шерэ, со своей стороны, сообщал (сентябрь 1884 г.), что встреченные им в Германии солдаты родом из Эльзас-Лотарингии преисполнены самых лучших чувств к Франции: «они заявляют, что в случае войны покинут германскую службу с тем, чтобы сражаться в рядах французской армии». Эти настроения, по мысли Шерэ, превращали их в потенциальных прекрасных шпионов и диверсантов, способных внести существенный разлад в ход германской мобилизации, парализовав железнодорожное и телеграфное сообщение в стране благодаря нескольким расчетливым подрывам /22/. набросанные лейтенантом картины, вероятно, показались министерству слишком смелыми, о чем и свидетельствовали несколько знаков вопроса на полях отчета напротив приведенной цитаты. Однако оценки Шерэ находили поддержку и в других донесениях. Ка-

питан Леконт, со своей стороны, два года спустя уверял военное министерство, что в случае мобилизации против Франции большинство юношей в Эльзасе и особенно в Лотарингии попытаются избежать призыва и, более того, «полны решимости бежать к ближайшему же участку французской границы» /23/.

Уже не единожды упомянутый лейтенант Марийер, наоборот, подходил к этому ключевому вопросу со всей серьезностью. Он считал, что «конфликт между двумя странами будет в настоящий момент плохо принят в Эльзасе, поскольку там, как и повсюду, царят миролюбивые настроения». Он вполне справедливо полагал, что «для основной массы населения национальное чувство есть бессознательный итог политических и материальных преимуществ, определяющих привязанность провинции к тому или иному народу» /24/. Тем не менее, нельзя не принять во внимание и то, что французские офицеры в ходе своих миссий в самом деле нередко могли рассчитывать на эффективную помощь местных жителей. Майор Фоли по итогам своего пребывания в Эльзасе отмечал: «все ныне исправляющие свои обязанности лесники - в Мелькерай, в Ротлахе, у замка Андлау, в Унгерсберге - все еще совершенно преданы Франции и счастливы послужить проводниками и дать все желаемые сведения» /25/.

Важно отметить, что 1880-ые гг. были временем весьма драматичных изменений на границе в военном отношении - во второй половине десятилетия Франция, по оценке своих противников, оказалась в как никогда выгодных условиях для войны-реванша /26/. Восточная граница страны была вновь прикрыта укреплениями, пусть военное значение возведенных в последнее десятилетие французских и германских фортов и обесценивалось стремительным прогрессом осадной артиллерии. Французские территориальные войска и резервы наконец-то были полностью укомплектованы кадрами. Французской армии возвращалась уверенность в собственных силах, что ярко проявилось в новых Планах концентрации сил на случай войны

(План VI (1883) и особенно План VIII bis (1887)), впервые предусматривавших наступательные действия против Германии. Все вместе это объясняет возросший интерес французского Генштаба к обстановке на территории Эльзас-Лотарингии, не исключая и вопроса реакции местного населения на возможную новую франко-германскую войну.

Можно констатировать, что суждения и оценки французских военных, побывавших в Германии в указанные годы, были весьма точны. Прусские функционеры и в самом деле чувствовали себя неуютно в Эльзас-Лотарингии. Бисмарк, в частности, до самого конца своего канцлерства в 1890 г. был столь непопулярен в Эльзасе, что ни разу так и не рискнул здесь появиться после войны. Его преемник, генерал Каприви в 1895 г. горько сетовал на то, что и «после 19 лет аннексии германский дух нисколько не распространился в Эльзасе» /27/. Феномен уклонения от армейской службы в «имперской провинции» демонстрировал стойкое неприятие населения и по отношению к германским, и особенно прусским, военным.

Однако, безусловно, следует избегать возведения в абсолют фрондерских настроений на отторгнутых от Франции территориях. Французский историк Франсуа Рот совершенно справедливо предлагает разделять в их отношении такие понятия, как «германизация» и «ассимиляция». Если в первом Германской империи удалось достичь значительных успехов, заставив, в целом, жителей Эльзаса и Лотарингии примириться с аннексией как со свершившимся фактом, то задача-максимум полной ассимиляции, вступления в лоно «немецкости», так и не была достигнута к 1914 г. /28/

Говоря в целом, немцами была осуществлена лишь частичная культурная и экономическая интеграция при сохранении политической оппозиционности основной массы населения, и рассмотренные выше отчеты французских офицеров, командированных в Германию в 1880-ые гг., добавляют немало ярких штрихов к многосложной картине жизни Эльзас-Лотарингии

под германским управлением.

() Статья подготовлена на основе материалов, изученных в рамках краткосрочной научной командировки в Париж по гранту Франко-российского центра гуманитарных и общественных наук в Москве.*

1. Service historique de la défense / Département de l'Armée de Terre (SHD/DAT, бывший S.H.A.T.). 1 M (Mémoires et Reconnaissances) 1545 - 1548: Reconnaissances - Allemagne, 1880 - 1898. О фонде см. также: Barbey-Say H. Le voyage de France en Allemagne de 1871 à 1914. Nancy, 1994. P. 183 - 195. В условиях отсутствия сквозной нумерации листов в рамках каждого из «картонов», равно как и нумерации листов отдельных документов, ссылка будет даваться на весь «картон», в котором содержится цитируемый архивный документ.
2. Rapport du capitain Lorenzi, janvier 1887 // SHD/DAT, 1 M 1548: Reconnaissances-Allemagne, 1886-1898.
3. Цит. по: Barbey-Say H. Le voyage de France en Allemagne de 1871 à 1914. P. 204, n. 7.
4. Franc A., le Colonel Chef du 4-e Bureau. Reconnaissance des chemins de fer étrangères: Note pour monsieur le Général Chef d'Etat major Général, 11 juni 1880 // SHD/DAT, 1 M 1545: Reconnaissances-Allemagne, 1880-1881; См. также: Instruction pour la reconnaissance des voies ferrées // Ibid.
5. Barbey-Say H. Op. cit. P. 193, 199.
6. См.: Ibid. P. 199.
7. Rapport du capitain Paslourcau de Lalesse, 4 décembre 1886 // SHD/DAT, 1 M 1548: Reconnaissances-Allemagne, 1886 - 1898.
8. Rapport du lieutenant Chéré // SHD/DAT, 1 M 1547: Reconnaissances-Allemagne, 1884-1885.
9. Rapport du capitain Lefort, juillet 1881 // SHD/DAT, 1 M 1545: Reconnaissances-Allemagne, 1880 - 1881.
10. Lieutenant Marillier. Trois semaines de séjour en Alsace, octobre 1885 // SHD/DAT, 1 M 1547.
11. Ibid.
12. Rapport du capitaine Ley, 14 avril 1884 // SHD/DAT, 1 M 1547.
13. Ibid.

14. Ibid.
15. Lieutenant Marillier. Trois semaines de séjour en Alsace...
16. Rapport du lieutenant Knoll, 24 octobre 1883 // SHD/DAT, 1 M 1546: Reconnaissances-Allemagne, 1882 - 1883. Стоит отметить, что это уже была вторая поездка Кнолля в Эльзас по заданию министерства. Первая состоялась двумя годами ранее, в 1881 г. - См.: SHD/DAT, 1 M 1545.
17. Rapport du lieutenant Andrès, 27 octobre 1882 // SHD/DAT, 1 M 1546.
18. Lecomte. Voyage en Allemagne, 4 octobre 1886 // SHD/DAT, 1 M 1548.
19. Ibid.
20. Rapport du lieutenant Delus, 22 octobre 1884 // SHD/DAT, 1 M 1547.
21. Rapport du lieutenant Knoll...
22. Rapport du lieutenant Chéré...
23. Lecomte. Voyage en Allemagne...
24. Lieutenant Marillier. Trois semaines de séjour en Alsace...
25. Цит. по: Barbey-Say H. Op. cit. P. 205, n. 28.
26. Zuber T. Inventing the Schlieffen Plan: German War Planning, 1871-1914. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 114.
27. Цит. по: Meyer Ph. Frankreich und Preußen: vier Jahrhunderte gemeinsamer Geschichte / Übersetzt aus dem französisch. Berlin: be.bra Wissenschaft Verlag, 2009. S. 194 - 195.
28. Roth Fr. La Lorraine annexée: Étude sur la Présidence de Lorraine dans L'Empire allemande (1870 - 1914). 2nd éd. Nancy: Editions Serpenoise, 2007. P. 669.

М. А. Катцова

«Скандинавский блок» в Лиге наций и особенности сотрудничества стран Северной Европы на международной арене в 1920-ые гг.

Завершившаяся в ноябре 1918 г. Первая мировая война стала причиной глобальных геополитических и социальных изменений и повлекла за собой становление новой, Версальско-Вашингтонской международной системы, сопровождающееся коренной ломкой принципов дипломатических отношений и внешнеполитических стратегий /1/. В противоположность прежней, тайной дипломатии империалистических стран, новой системе межгосударственных отношений были присущи открытость, гласность, стремление к разрешению конфликтов мирным, компромиссным путем в рамках универсальной системы международного правосудия, равноправие в многосторонних переговорах, попытка выработки всеобщих гарантий международной безопасности. В международных отношениях начался качественно новый этап, отмеченный демократизацией дипломатических процедур, системы международного представительства и повышением, вследствие этого, роли межгосударственных форумов /2/. Национальной идее отныне противостояла идея единства человеческой цивилизации. Широкие международные конференции в послевоенном мире превратились в центральную арену для официального обмена мнениями по вопросам внешней политики.

Деятельность Лиги наций стала знаковым событием для периода перехода от прежней системы, зиждущейся на балансе взаимоотношений нескольких великих держав, к плюрализму равноправных независимых суверенных государств /3/. В этой ситуации роль малых стран в контексте европейских международных отношений претерпела революционные изменения: из прежних «пешек» в большой политике великих держав они